

ПИСЬМО ПРОФЕССОРА ГАНСА ЭРЕНБЕРГА Прот. С. БУЛГАКОВУ О ПРАВОСЛАВИИ И ПРОТЕ- СТАНТИЗМЪ И ОТВѢТЪ Прот. С. БУЛГАКОВА.*)

Многоуважаемый
собратъ по священнослуженію!

Христіане различныхъ вѣроисповѣданій имѣютъ прискорбный обычай, когда они взаимно сравниваютъ свои внутреннія устройства и соревнуются въ силахъ и способностяхъ — приходитъ къ благопріятному заключенію о себѣ и неблагопріятному о другихъ. Хорошо еще, когда къ дѣлу относятся серьезно, тогда какъ обычно даже и этого не дѣлаютъ, и, не оказывая другимъ ни малѣйшаго вниманія, довольствуются самопрославленіемъ. Для большинства христіанъ — христіанство другихъ братскихъ вѣроисповѣданій представляетъ изъ себя terra incognita и это относится не только къ просто образованнымъ людямъ, но даже и къ богословамъ. Въ то время какъ эти послѣдніе перебираютъ всѣ религіи земного шара — они безъ вниманія проходятъ мимо своихъ, пусть враждебныхъ имъ, но все же братьевъ по вѣрѣ; что же касается до евреевъ — то о нихъ и говорить не приходится. Вслѣдствіе этого взаимное знаніе другъ друга весьма слабо среди самого христіанскаго міра — невѣжество жѣ отъ незнанія, наоборотъ,

необычайно велико. Мнѣ иногда казалось, что несказанно трудно должно быть вжиться въ родственную и въ то же время чуждую сущность. Оно и въ дѣйствительности безконечно трудно — по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому, что постоянно наталкиваешься на нѣчто близко знакомое, но требующее вмѣстѣ съ тѣмъ иного подхода и, попадая на скользкій путь сравненія съ собственными цѣнностями — срываешься съ него; во вторыхъ, по тому что сравнительно легко вжиться въ чуждый духовный укладъ и незнакомую внутреннюю жизнь — при томъ не рискуя объективностью. Въ отношеніи къ какому нибудь идолопоклоннику или же даже буддисту я не легко впаду въ искушеніе самолюбванія и «отдаванія себѣ должнаго», иной вопросъ, если дѣло коснется вѣры, которая, подобно моей, коренится въ Библии. Черезвычайно трудно также отдѣлать заслуживающее любви отъ незаслуживающаго ее, коль скоро идетъ рѣчь о собственной церковности, тоже самое, впрочемъ, какъ и при патріотическомъ подходѣ къ собственной народности. За радостью о своей церкви и за любовью къ ней нерѣдко скрываются духовное фарисейство и личное самопревозношеніе.

Съ ними же всегда связаны окостенѣніе религіозной жизни, оскудѣніе, вялость и слабость вѣры. И вотъ почему каждой обособленной церкви грозятъ именно эти опасности: уже одно существованіе на ряду съ ней другой церкви, хотя бы и второстепенной — разнуздываетъ злыя

*) Профессору и пастору Г. Эренбергу принадлежатъ заслуга изданія двухъ томовъ «Oesteiches christentum», въ которомъ онъ познакомилъ нѣмцевъ съ русской религіозной мыслью. Ему также принадлежатъ очень сочувственныя православію статьи. *Ред.*

страсти и замутняетъ источникъ высокихъ и благородныхъ чувствъ благочестія. Истиннаго и подлиннаго благочестія не можетъ быть пока всѣ мы христіане не будемъ одной вѣры. Мы еще терпимъ кое-какъ существованіе язычества, но вѣрующіе въ Откровеніе Божіе и Библию не могутъ мириться со множественностью церквей. И все же — устранить ее — мы не въ силахъ; ни къ чему бы не привело, если кто и отрѣшился отъ своего исповѣданія: онъ только попалъ бы въ другое, столь же обособленное, хотя бы оно и называло себя сверхисповѣднымъ. По этому каждый изъ насъ долженъ стремиться стать выше вѣроисповѣданія, не выходя однако изъ него, а, наоборотъ, вливая въ него всю полноту сверхконфессиональности. Для этого богословію нужно такое ученіе о вѣроисповѣданіяхъ, о которомъ можно было бы сказать, что оно дѣйствительно христіанское. Но возможно ли это — пока сравненіе лишь односторонне? Потому то я и пишу Вамъ и прошу Васъ отозваться на мое письмо, дабы избѣжать такой односторонности. Вѣдь только обоюдное сравненіе дѣйствительно. Пока не выскажутся обѣ сравниваемые стороны — выводы диктуются лишь одной, а это не по христіански, а кромѣ того — ни къ чему.

Возможно, что условія для такого сравненія для насъ обоихъ особо благоприятны. Моей книгой о «Восточномъ Христіанствѣ» я кажется, слишкомъ подвергъ себя подозрѣніямъ въ односторонности и черезмѣрномъ сочувствіи къ Вашей церкви въ протестантскихъ кругахъ, чтобы я рисковалъ встрѣтить упрекъ изъ круговъ Вашей церкви въ предвзятомъ отношеніи къ моимъ собственнымъ вѣрованіямъ. Вы же и Ваши единомышленники съ другой стороны проявляете, насколько я Васъ знаю, такую безпристрастность въ интерконфессиональныхъ вопросахъ, что мнѣ кажется, мы можемъ имѣть основанія надѣяться на успѣхъ.

Къ этому меня побуждаетъ еще одна особая причина. Какъ это Вамъ, конечно, достовѣрно извѣстно, на территоріи Вашей собственной церкви не только имѣются рассадники евангелическаго ученія, но ведется также и широкая пропаганда, которая за послѣднее время пользуется значительнымъ успѣхомъ.

Штундистское движеніе Вамъ знакомо и мнѣ было бы чрезвычайно цѣнно узнать, что Вы собственно о немъ думаете. Только тогда я могъ бы полностью уяснить себѣ

Ваше отношеніе къ евангелическому христіанству, т. к. о какой либо церкви всегда судишь нѣсколько иначе, наблюдая ее у себя или встрѣчаясь съ ней на чужбинѣ. Поэтому, на примѣръ, я боюсь, не объясняется ли та сравнительная терпимость, съ которой у насъ обычно относятся къ Вашей церкви, главнымъ образомъ тѣмъ, что въ Германіи у нея приверженцевъ нѣтъ и что пропаганды она не ведетъ. У Васъ же наблюдается обратное. — Конечно можно очень различно оцѣнивать церковь, смотря по тому — идетъ ли рѣчь о ея внутреннихъ цѣнностяхъ или о значеніи ведомой ею пропаганды, передъ нами же встаетъ вопросъ, какъ о томъ, такъ и о другомъ.

И такъ, предполагая, что тема объ евангелической церкви, хотя бы въ формѣ штундизма, точнѣе піэтизма — является для Васъ острой, я думаю, что могу, даже долженъ и духовно поставить вопросъ въ широчайшей его формѣ, а именно — о взаимоотношеніи нашихъ церквей. Такъ какъ по отношенію къ Римско-католической церкви, исторически стоящей между нами, мы оба не имѣемъ настоящей возможности сравненія, во первыхъ, по тому, что она не приняла бы въ немъ достаточно серьезнаго участія, а во вторыхъ, отъ того, что въ данномъ случаѣ въ этомъ нѣтъ и никакой необходимости, то, не смотря на ея значительность, единство и цѣльность, ее слѣдовало бы оставить въ сторонѣ. Для меня же важно побесѣдовать съ Вами о «благочестіи».

Благочестіе бываетъ индивидуальное и совокупное: благочестіе отдѣльныхъ лицъ и всего народа. Передъ нами два вида благочестія, Вашъ православный, и нашъ піэтический. Существуетъ у насъ и допіэтическое благочестіе, но распространяться о немъ не стоитъ, т. к. оно не имѣетъ большого значенія, будучи лишено дѣйственной силы, передающейся отъ чело-вѣка къ чело-вѣку. Только въ формѣ піэтизма протестантизмъ пересталъ быть исключительно протестующимъ и занялъ самостоятельное положеніе. — Бѣда лишь въ томъ, что это піэтическое благочестіе весьма односторонне (какъ вы это можете замѣтить у штундистовъ, хотя я не знаю — вполне ли походятъ русскіе штундисты на нѣмецкихъ) и по этому сдѣлалось партійнымъ дѣломъ, на которое я самъ, не будучи штундистомъ, стараюсь глядѣть по возможности съ непартійной точки зрѣнія.

Коротко говоря, православное благочестіе

честіе представляется мнѣ церковнымъ, благочестіе же піэтистское — виѣцерковнымъ и поэтому индивидуальнымъ; и это приводитъ меня опять обратно къ первоначальному противопоставленію.

Христіанство должно было сначала сдѣлаться Церковью, т. е. принять матеріальную — иначе сказать — политическую форму и создать собственную духовность; форма эта — іерархія, духовность — догматъ. На іерархіи и на догматѣ зиждется православное благочестіе, благочестіе же піэтистовъ основано на одной лишь Библии. Что это значить? Разумѣется Библия и у Васъ занимаетъ извѣстное мѣсто, но только какъ священная книга, а не входя въ благочестіе какъ непосредственное его содержаніе, — въ этомъ она не отличается отъ иконы; все же Библия налицо, т. к. безъ нея не было бы ни іерархіи, ни догмата, въ то время какъ эти послѣдніе суть продукты, если такъ можно выразиться, вѣры въ Библию: такимъ образомъ Библия стоитъ за іерархіей и догматомъ, но благочестіе объ этомъ не знаетъ, хотя бы даже и знало...

У насъ же — историческое мы здѣсь оставляемъ въ сторонѣ — наоборотъ: реформація устранила іерархію и, хотя это открыто и не признается, устранила и догматъ — чтобы разчистить путь къ Библии; это ей удалось и піэтизмъ неумолимъ въ этомъ отношеніи. Вслѣдствіе этого Библия, стоящая у Васъ какъ бы на заднемъ планѣ — въ піэтизмѣ стоитъ впереди всего, не имѣя за собой уже ничего. Все благочестіе піэтизма лежитъ, такимъ образомъ, въ одной плоскости, что дѣлаетъ его непривлекательнымъ я хотѣлъ бы въ дальнѣйшемъ еще вернуться къ этому, и какъ то чуждымъ во многихъ его проявленіяхъ, — и тѣмъ не менѣе они имѣютъ — Библию!

Передо мной становится теперь вопросъ: можно ли сохранить Библию такъ, чтобы она служила не однимъ лишь фономъ, а благочестіе сохранило бы ту двойственность, безъ которой оно осуждено на вырожденіе?

Что бы ближе подступить къ этому вопросу, я подымаю вопросъ о н а р о д ѣ, т. к., какъ это сейчасъ выяснится, онъ ему тождествененъ. Нельзя безъ оговорокъ сказать, что церковь и народъ, церковь какъ учрежденіе — одно и то же: можно

смѣло говорить обратное, т. е. что они никогда въ сущности не одно и то же, хотя бы и должны были слиться въ одно, — протестантизмъ и возводитъ эту мечту въ мнимую дѣйствительность. Если вычеркнуть церковь — останется церковный народъ. Наша церковь состоитъ лишь изъ собирающагося въ церкви народа, вслѣдствіе чего вѣрованія молящихся стали на мѣсто вѣроученія. Наша церковь не народная церковь — она народъ, но не тотъ народъ, о которомъ говорятъ такъ называемые народники: все это иллюзіи или паганизмы; — народъ — совокупность вѣрующихъ. По этому оппозиція, въ этомъ и весь смыслъ либерализма, — и пошла у насъ сверху внизъ противъ внизу стоящей іерархіи (движеніе пасторовъ). Такимъ образомъ мы имѣемъ обратную церковную социологію — церковь наша управляется снизу. Народъ, церковный народъ управляетъ вопреки суперинтендантамъ и владычельнымъ епископамъ, которые хотъ и управляли, но *per nefas*. Вы же, какъ Достоевскій это такъ ярко выразилъ, задаетесь всегда вопросомъ: какъ подойти къ народу? Церковный народъ у Васъ хотъ и налицо, но не церковь на немъ зиждется, а онъ зиждился на церкви.

Этимъ можно объяснить и то, что штундизмъ имѣлъ у Васъ успѣхъ, преимущественно среди народа. Я слышалъ въ кругахъ «Свѣтъ Востока», что образованные русскіе люди при возвращеніи къ вѣрѣ всегда обращаются къ православію, мало же образованные — къ штундѣ. И этотъ успѣхъ вызывается Библией, вѣроятнo, лишь ею одной, а потому является дѣломъ весьма серьезнымъ, тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ не объ какой либо одной изъ мелкихъ русскихъ сектъ.

На этотъ разъ я ограничиваюсь вопросомъ о мѣстѣ занимаемомъ народомъ въ церковной жизни, изъ котораго въ дальнѣйшемъ и вытечетъ вопросъ о благочестіи. Послѣдній является главной моей цѣлью, но подойти къ нему нельзя, не занявшись предварительно первымъ вопросомъ. Пожалуйста, сообщите мнѣ Ваше мнѣніе о немъ, которое мнѣ будетъ крайне цѣнно, а тогда я могъ бы позволить себѣ продолжить наши сравненія.

Гансъ Эренбергъ.